

Михаил Леонидович Хазин –
экономист, публицист,
теле- и радиоведущий,
руководитель компании
экспертного консультирования
«НЕОКОН»

«Красный проект» и образ будущего

Михаил Хазин анализирует проблемы современной экономики и финансово-экономического кризиса, выходя за рамки «экономикс». Эксперт усматривает проблемы и факторы развития в социальной и философской сферах, в политической истории страны. Предлагаем вашему вниманию фрагменты рассуждений Михаила Хазина об особенностях социально-экономического развития России/СССР и возможных перспективах.

«Красный глобальный проект» – это идея, появившаяся в XVIII веке и направленная на то, чтобы соединить в себе библейскую систему ценностей (то есть восстановить разрушенную с возникновением Реформации и Капиталистического глобального проекта систему ценностей) с идеей научно-технического прогресса, которая с XVI–XVII веков развивалась с использованием ссудного процента.

Поскольку ссудный процент в библейской системе ценностей запрещен, сделать это было можно только одним способом – запретить частное использование прибыли от этого процента, то есть обратить его на общественную пользу. Именно это и было сделано в рамках реализации «Красного проекта» в СССР и других социалистических странах. Однако вначале «Красный проект» прошел полуторавековую «сетевую» стадию.

И в этот период в рамках развития его идей появилось колоссальное количество разных людей, которые предлагали что-то свое и новое. Кто-то считал, что раз речь идет о борьбе с религией (а на самом деле – с альтернативными религиозными глобальными проектами), то можно включать в систему идей откровенный сатанизм, кто-то напирал на национальные черты и так далее. Адепты развивающегося «Западного проекта» активно пытались его использовать в своей борьбе с Капиталистическим и религиозными проектами и так далее. Вообще, как и всякое новое направление, в XIX веке кто только туда ни набежал, не говоря уже о персонажах, в задачи которых входило разрушение самой модели «Красного проекта» на деньги проектов альтернативных. Тут можно вспомнить весь корпус мифов об СССР, который был сочинен на Западе, впрочем, это было уже несколько позже.

■

Собственно научную теорию «Красного проекта» сочинил Маркс и его последователи. <...> Отметим, тем не менее, серьезную ошибку Маркса, которая, скорее все-

го, была связана с его личным отношением к религии. Он полностью выкинул из корпуса обоснования «Красного проекта» мистическую компоненту – и это стало, быть может, самой серьезной его ошибкой. Отметим, что, судя по всему, Сталин понял эту ошибку и попытался ее исправить, однако явно не успел, а пришедший ему на смену Хрущев, который был, по большому счету, догматик, неспособный к сложной интеллектуальной работе, эту линию в государственной политике не только не поддержал, но и жестко ее обрубил.

Не исключено, что связано это с тем, что все глобальные проекты принципиально враждебны друг другу (что естественно, на то они и глобальные), и в этом смысле «Красный проект» враждовал и с «Западным», и с Исламским, и с Православным, и с Католическим. Но для двух проектов – «Западного» и Православного – эта вражда стала основой для разработки серьезной идеологической базы <...> практически всю середину XX века эти два проекта боролись за первенство в мире, а Православный был серьезным конкурентом потому, что Российская империя была для него базовой страной на протяжении нескольких веков.

Отметим при этом, что работу «Красного проекта» по борьбе с проектом Православным сильно облегчил Петр I, который отменил патриархию, а вместо этого сделал чисто имперскую конструкцию <...> Синода – гражданского учреждения, направленного на то, чтобы контролировать и направлять умонастроения в обществе. Как следствие, за 200 лет работы этого учреждения отношение к Православной церкви в русском обществе сильно ухудшилось – что сильно облегчило работу по ее демонтажу после 1917 года (причем значительная часть этой работы была сделана в период с февраля по октябрь 1917 года).

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в ноябре (октябре) 1917 года поставила перед адептами «Красного проекта» множество задач. <...> В это время решался принципиальный вопрос: идти ли

войной на весь мир (линия, отстаиваемая Коминтерном) или же строить «Красный проект» в одной стране. За первое направление было то, что в то время шла отчаянная война между Капиталистическим и «Западным» проектами, побеждал в ней проект «Западный», который, скорее всего, довольно много сил и средств вложил в то, чтобы в элите «Красного проекта» было много скрытых его адептов. Идея тут состояла в том, чтобы за счет энергии масс «Красного проекта» разрушить государства, которые ограничивали капитал (то есть основу проекта «Западного», в первую очередь — наследственные монархии Европы).

Другая линия предполагала создание «базовой» страны, то есть перевод «Красного проекта» в иерархическую стадию. Эта линия победила, но в процессе пришлось пережить еще одну — практически вторую — гражданскую войну, поскольку «коминтерновская» элита, особенно та ее часть, которая была связана с элитами зарубежными, активно сопротивлялась любой попытке ограничить внешнюю экспансию.

Отметим, что на тот момент советские элиты четко понимали, что глобальные проекты несовместимы в принципе и по этой причине никакого сколько-нибудь долгосрочного сосуществования между ними быть не может. И исходили из этого понимания в своем долгосрочном планировании. Но после смерти Сталина ситуация изменилась. Впрочем, вначале нужно отметить, что экономической базой для построения базовой страны для «Красного глобального проекта» Сталин выбрал построение собственной технологической зоны и последовательно проводил соответствующую политику, которая дала серьезные позитивные результаты. При этом он не создавал «элиты», как, например, это сделал Китай, а «тащил» вверх все советское общество (кстати, именно по этой причине на первом этапе рост уровня жизни был не очень высоким).

Хрущев, который пришел к власти, по большому счету, в результате государственного переворота (официальные инстанции его в 1955 году сняли с должности), уже сути специфики «Красного проекта» не понимал и в 1956 году публично отказался от одного из главных проектных принципов, введя в обиход идею «мирного сосуществования». С точки зрения идеологии это было поражение, однако оформлялось оно достаточно долго.

В начале 60-х годов в СССР начался кризис, связанный с невозможностью расширения рынков (кризис падения эффективности капитала), однако догматики, пришедшие с Хрущевым, эту проблему решить уже не могли. Тем не менее в начале 70-х, когда аналогичный кризис начался в США, СССР мог выиграть — но для этого нужно было преодолеть собственную идеологическую слабость и усилить свои позиции в рамках противостояния с «Западным проектом», а не ослаблять их. Сделано же все было наоборот — и выигрыш был упущен.

Таким образом, «Красный проект», с точки зрения относительной чистоты своих проектных принципов, действовал в СССР не так уж долго — с конца 20-х до конца 50-х годов. Он воспитал поколение, которое и «держало» ситуацию до конца 80-х — но после его ухода все посыпалось достаточно быстро. А это значит, что при возрождении этого глобального проекта, что, по

моему мнению, неизбежно, это обстоятельство нужно иметь в виду.

«СССР и “Красный проект”»

В наши дни мир зашел в ситуацию, которую Адам Смит и даже Маркс описывали как абстрактную, чисто гипотетическую. Сегодня она стала вполне конкретной. Расширение рынков более невозможно. Следовательно, невозможно и дальнейшее углубление разделения труда в рамках существующей модели экономики. Конечно, можно попытаться сделать это в какой-то отдельной отрасли, но никак не во всей экономике в целом. Не получится. Отсюда следует вывод — современный капитализм закончился. Нынешний кризис — это кризис конца капитализма. У него больше нет ресурса развития. Развиваться далее в тисках капиталистической идеологии мир не может.

Только в Европе и только за последние две тысячи лет сменились по крайней мере две базовые модели экономического развития <...>. Ничто не мешает произойти еще одной смене.

Поэтому мне представляется, что сегодня ключевым моментом является поиск нового механизма развития и нового языка, на котором это развитие можно описать. Тот, кто это сделает, станет цивилизационным чемпионом на ближайшие лет двести-триста. Из всего сказанного выше ясно, что сделать это можно только за пределами Западного мира. И я не могу отыскать на карте страны, кроме России, где могла бы родиться новая идея.

«Мир на пороге новых времен»

«Великая держава» — это страна, которая имеет образ своего будущего, образ будущего мира и схему соотношения себя и этого мира. Если хотя бы одного компонента из этих нет, то величие теряется и начинаются проблемы. Например, США в 90-е годы имели образ своего будущего и даже образ мира — но вот схему отношений они выстроить не смогли. Да и свой образ у них был настолько абстрактным, что в какой-то момент критически оторвался от реальности. А СССР еще в 70-е годы, согласившись на принцип «мирного сосуществования» (который возник как лозунг еще раньше, в 1956 году, но реальное наполнение получил только лет через 20), потерял образ мира. После чего и собственное будущее для него стало окрашиваться исключительно через тона образа альтернативного, «западного» — поскольку другого просто не было. Что и стало началом краха.

Победителем по итогам сегодняшнего кризиса станет та страна, которая сможет предъявить этот самый образ будущего — даже если сегодня эта страна маленькая и слабая.

«Образ будущего»

Печатается по www.worldcrisis.ru